

I

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ПОМОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова

**XVI КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО ИЗУЧЕНИЮ
СКАНДИНАВСКИХ СТРАН
И ФИНЛЯНДИИ**

Материалы конференции
(г. Архангельск, Поморский государственный
университет имени М.В. Ломоносова,
9–12 сентября 2008 года)

Часть I

*При поддержке проектов
Российского фонда фундаментальных исследований (№ 08-06-06110-г),
Российского гуманитарного научного фонда (№ 08-01-14034-г)
и регионального проекта Российского гуманитарного научного фонда
и администрации Архангельской области (№ 08-01-48181-г/С)*

Москва – Архангельск
2008

О РАННЕГОСУДАРСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ НА ТЕРРИТОРИИ СМОЛЕНСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ И ПОДВИНЬЯ В X в.

лее часто встречаемой находкой на этом участке были ладейные заклепки и их фрагменты. Анализ керамической коллекции позволяет с большой долей вероятности, датировать исследованные напластования второй половиной X в.

Таким образом, материалы полевых исследований позволяют выделить две зоны, связанные с функционированием Гнёздова, как речного порта. Наиболее ранние конструкции были выявлены в районе оз. Бездонка (небольшой «волоок» с найденной в его заполнении уключиной). Эти объекты относятся к «раннему» Гнездову (до появления гончарного круга). Вероятно, на раннем этапе оз. Бездонка, расположенное на некотором удалении от основной водной артерии, активно использовалось в качестве внутренней гавани, в этот период деревянные настилы еще не сооружались и суда вытаскивали на сушу, используя небольшие канавообразные «волоки». К этому этапу относится и исследованная на этом участке дегтярная яма. После проведения масштабных строительных работ на пойменной части поселения (их результатом явилась мощная стерильная прослойка), появляются дощатые настилы разных конструкций (доски, уложенные прямо на поверхность и дощатый настил, подстилаемый берестяными «циновками»). Этот этап может быть датирован в рамках второй четверти-середины X в. (появляется круговая керамика). На позднем этапе характер использования территории меняется – исчезают настилы, появляются каменные очажки и резко увеличивается разнообразие находок.

Вторая половина X в. – расцвет Гнёздова. Вероятно, оз. Бездонка уже не могло удовлетворить потребностей обслуживания Гнёздова как речного порта и центр «портовой активности» перемещается на берег Днепра, где выявлена сложная микротопография прибрежной зоны, включающая кроме деревянных настилов, и постройки (склады?), вероятно, связанные с обслуживанием речного пути. Весьма примечательно, что в рамках обоих исследованных участков были обнаружены ямы для возгонки смолы и дегтя, необходимых при ремонте и сооружении судов.

Подводя итоги, можно сказать, что «портовое хозяйство» Гнёздова имело сложную структуру и эволюционировало на всем протяжении существования данного раннегородского центра.

Политическая история Руси IX–X вв. весьма фрагментарно, часто противоречиво отражена в письменных источниках и потому не вполне ясна. Не удастся однозначно определить и внутреннее устройство формирующегося Древнерусского государства, в том числе степень его централизации в конце IX – середине X в. В связи с этим изучение древнерусского политогенеза не может быть успешным без привлечения археологических источников. Попытаемся дать обзор некоторых археологических данных, характеризующих, по нашему мнению, политогенез конца I тыс. в одном из важнейших регионов Древней Руси – Смоленском Поднепровье и Подвинье.

Система расселения в изучаемом регионе в X в. имеет иерархическую структуру, содержащую 3 или 4 уровня. Верхний уровень иерархии занимает древнерусское раннегородское поселение в центральной части Гнездовского археологического комплекса. Средний уровень представлен древнерусскими «локальными» торгово-ремесленными и военно-административными центрами, известными пока только в Днепро-Двинском междуречье (Рокот, Шишкино, Новоселки). Каждый из них состоит из городища, селища (в Рокоте это укрепленный «окольный город») и курганного могильника. На нижнем уровне находятся селища культуры смоленских длинных курганов (КСДК) и относящиеся к ним могильники, доживающие до рассматриваемого периода (Шугайлово, Михейково, Сельцо, Шутовка, Арефьино и др.). Возможно, удастся выделить еще один (второй снизу) уровень иерархии, который могут составлять такие комплексы памятников, как Заозерье, Кушлянщина и Березинка. Они содержат материалы как КСДК, так и ранней древнерусской культуры и, вероятно, включают в себя городища. Все эти поселения в совокупности составляли инфраструктуру транзитных военно-торговых путей, проходивших через Смоленское Поднепровье и Подвинье. Они синхронны в рамках конца IX / начала X – середины / 3-й четверти X в., причем

древнерусские памятники являются наиболее ранними на данной территории, а памятники КСДК — самыми поздними. Наличие сложной иерархии населенных пунктов является важным признаком потестарно-политической структуры типа сложного вожества или раннего государства.

Показательно распределение серебряной монеты и изделий из драгоценных металлов между поселениями, занимающими разные позиции в этой иерархии. Подавляющее большинство кладов X в. с территории северо-западной Смоленщины найдено в Гнёздове (11 из 15+3?). То же можно сказать о находках отдельных арабских монет: кроме Гнёздова (более 250 экз.: Т.А. Пушкина 1999) они известны только на памятниках второго иерархического уровня (около 10 экз.). Серебряные украшения в Гнёздове весьма многочисленны (только в составе кладов их более 150, а также несколько золотых), в то время как на других синхронных памятниках региона они пока представлены единичными находками. Эти данные свидетельствуют о колоссальной степени концентрации материальных ценностей, в том числе «статусных» вещей, полученных в основном в результате международной торговли, на поселениях самого высокого ранга, прежде всего в Гнёздове.

Носители КСДК, селища которых занимают нижний, базовый уровень иерархии, несомненно, играли важную роль в обслуживании транзитных путей сообщения, от стабильного функционирования которых зависело благополучие раннегородского центра в Гнёздове, как одного из крупнейших «перевалочных пунктов» на пути «из варяг в греки». Кроме того, гнёздовская община, по-видимому, была вынуждена накапливать запасы продовольствия, значительно превышавшие ее собственные потребности, чтобы прокормить не только себя, но и тех, кто прибывал в Гнёздово извне. Можно предположить, что в силу сезонных особенностей функционирования пути «из варяг в греки» население Гнёздова резко возрастало зимой и в начале весны, т.е. в самое «голодное» время года. Поэтому его жители вряд ли могли обойтись без поставок продовольствия со стороны сельского населения региона. Что же оно получало взамен? Число привозных металлических изделий в погребениях КСДК X в. не выросло, а скорее снизилось по сравнению с комплексами второй половины VIII – IX в. Изменился в это время и состав бус: разнообразие их типов уменьшилось, практически отсутствуют наиболее сложные в изготовлении

и дорогие разновидности, широко представленные в Гнёздове, в количественном отношении преобладает бисер. Примечательно, что в гнёздовском некрополе бисера почти нет, зато на поселении он найден в огромном количестве. Очевидно, он использовался исключительно для торговли с сельским населением «округи».

Приведенные данные вполне определенно демонстрируют существование на изучаемой территории в X в. монополии древнерусской, преимущественно скандинавской «элиты» на внешнеторговые операции и наличие неэквивалентного обмена между нею и коренными жителями. Такая ситуация могла сложиться только в результате использования военно-административного аппарата, направленного в том числе на откровенную эксплуатацию носителей КСДК и других зависимых групп населения.

Материалы ранних древнерусских памятников (в отличие от памятников КСДК) демонстрируют хорошо выраженную социальную стратификацию. Особенно ярко она видна на материалах гнёздовских курганов, что неоднократно отмечалось в литературе. В частности, в некрополе Гнёздова выделяется небольшая типологическая группа скандинавских погребальных комплексов середины – третьей четверти X в., известных как «большие курганы». Некоторые исследователи (Петрухин 1998) убедительно интерпретируют их, наряду с аналогичными «большими курганами» Чернигова, как погребения представителей княжеской семьи. Не исключено, что кто-то из этих князей упомянут в преамбуле русско-византийского договора 944 г.

Таким образом, археологические данные позволяют утверждать, что в Смоленском Поднепровье и Подвинье к середине X в. сформировалась раннегосударственная структура, обладавшая определенной автономией в рамках Древнерусского государства. По-видимому, развитие этого социально-политического организма, своего рода прообраза Смоленской земли, было прервано в третьей четверти X в. (вероятно, в 960-е годы) в результате военного разгрома и прямого подчинения киевской администрацией.